
Валерий Чёрный
Слепая зона 2:
Фоновый шум

Валерий Чёрный
Слепая зона 2: Фоновый шум

https://litres.ru/74744153
SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение истории о двух учёных, Корнелиусе и Себастьяне, которые после контакта с аномальной пылью обрели способность видеть формулы и закономерности вселенной там, где обычный человек видит лишь хаос. Теперь они — не просто беглецы, скрывающиеся от спецслужб, а основатели могущественной корпорации «Атлас» и хозяева собственного карманного мира.

Во второй части «Фоновый шум» их жизнь превращается в идеальный баланс между роскошью и смертельной опасностью. Днём они чертят на салфетках в элитном ресторане «Эклипс» схемы, способные обмануть смерть, а вечером — выходят на сцену, чтобы под рояль исполнить «Мурку», Моцарта и Rammstein, поражая публику своими талантами. Но за блеском огней и аплодисментами скрывается холодный расчёт: они строят капсулы для переноса сознания, создают клонов и стирают память нежелательным свидетелям.

Валерий Чёрный
Слепая зона 2: Фоновый шум

СЛЕПАЯ ЗОНА 2: ФОНОВЫЙ ШУМ

ГЛАВА 1 Поиски

Тогда они ещё не знали, что найдут вход. Они искали аномалию — точку, где константы меняются, где можно перейти в другую вселенную. Они ездили по мёртвым секторам, сверялись с картами, которые составляли сами, искали трещины в метрике. И на одной из таких планет — выжженной, вывернутой, с тенями, падающими не туда, — они нашли не то, что искали.

Аномалия была в расщелине. Узкой, глубокой, с отвесными стенами. Они спустились по верёвкам — оба, по очереди, как учились в подвале. На дне было темно, и только терминал Корнелиуса давал свет.

— Смотри, — сказал он.

В стене расщелины торчал кристалл. Не минерал в привычном смысле — он пульсировал. Медленно, ритмично. Как будто дышал.

Себастьян подошёл ближе.

— Это органика?

— Не знаю. — Корнелиус провёл сенсором. — Метрика

вокруг него другая. Как будто он... живой. Но не в биологическом смысле. В метрическом.

— Это возможно?

— Мы ищем переход в другую вселенную. — Корнелиус посмотрел на него. — Тебе мало чудес?

Себастьян не ответил. Он смотрел на кристалл, и в его глазах было то же выражение, что и в подвале, когда они впервые взяли в руки деревянные сабли. Не страх. Интерес.

— Надо взять образец, — сказал он.

— Надо, — согласился Корнелиус.

Он подошёл с инструментом — обычным, механическим, без электроники, которая могла бы сбить показания. Приставил резец к основанию кристалла. Надавил.

Кристалл взорвался.

Не осколками. Не светом. Пылью. Мелкой, почти невидимой, она вырвалась из трещины и повисла в воздухе — тяжёлым, светящимся облаком. Корнелиус успел отшатнуться, но недостаточно. Себастьян — тоже. Оба вдохнули.

Пыль осела на их одежду, на лица, на руки. Она была холодной, как снег, и пахла чем-то древним — озоном, металлом и чем-то ещё, чему не было названия.

— Ты как? — спросил Корнелиус.

— Нормально. — Себастьян вытер лицо ладонью. — Ты?

— Нормально.

Они простояли ещё минуту, глядя на пустую трещину. Кристалл исчез. Не осталось ни осколков, ни следа. Только

пыль на их одежде и странное ощущение в груди — как будто что-то изменилось. Но что именно — они не поняли.

Первый день

Ничего не произошло.

Они вернулись в тесный кабинет на кафедре, сдали одежду в очистку, проверили себя на всех приборах, которые у них были. Никаких отклонений. Никаких аномалий. Обычные люди. Уставшие, но живые.

Ночью Корнелиус не спал.

Он лежал в своей квартире, смотрел в потолок и чувствовал, что что-то не так. Не боль. Не тошнота. Просто... фон. Как будто где-то в глубине сознания работал прибор. Тихо. Ровно. Без остановки.

Он попытался заснуть. Не получилось. Мысли не путались — наоборот. Они были слишком чёткими. Слишком быстрыми. Он закрывал глаза — и видел формулы. Не вспоминал их. Видел. Как будто они уже были там, внутри, и просто ждали, когда он обратит на них внимание.

К утру он знал ответ на задачу, которую даже не ставил.

Третий день

Себастьян пришёл в кабинет бледный.

— Я не сплю, — сказал он.

— Я тоже.

— Я не устаю. Вообще. Я могу работать сутками. И... — Он замолчал, подбирая слово. — Я слышу числа. Не звуком.

Как будто они где-то рядом. Как будто я могу их потрогать.

Корнелиус посмотрел на него.

— Я тоже.

Они сели напротив друг друга. За окном сыскное ведомство заканчивало очередной регламент. И в тишине кабинета было слышно только, как они дышат.

— Мы что-то вдохнули, — сказал Себастьян. — Ту пыль. На планете.

— Да.

— И это что-то изменило наш мозг.

— Да.

— И мы не знаем, как это остановить.

Корнелиус помолчал.

— Не знаем.

Седьмой день

Симптомы прошли. Головная боль — была. Сенсорная перегрузка — была. Бессонница — была. А потом всё стихло. Как будто организм привык. Как будто мозг перестроился и сказал: *«Всё. Теперь я работаю так»*.

Корнелиус сидел за терминалом и смотрел на формулу входа — ту самую, которую они выводили годами. Он не пытался её решить. Он просто смотрел на неё — и ответ всплывал. Сам. Из глубины. Как будто кто-то другой уже посчитал его и просто положил на поверхность сознания.

Он проверил. Ответ был правильный.

Он закрыл глаза. Попробовал не думать. Получилось —

на секунду. А потом фон вернулся. Тихий, ровный, бесконечный. Как дыхание.

Он открыл глаза и посмотрел на Себастьяна.

— Оно не останавливается, — сказал он.

— Я знаю.

— Оно просто... работает. Само.

— Я знаю.

— И нам не трудно.

Себастьян усмехнулся — устало, но с той самой улыбкой, которая была у него в подвале.

— Нам вообще не трудно, Корнелиус. Это и есть самое страшное.

Десятый день

Они сидели в кабинете. Корнелиус пил кофе и смотрел на голограмму, которая висела над столом. Себастьян читал распечатку, но глаза его были рассеяны — он не читал, он слушал то, что происходило у него в голове.

— Я только что посчитал орбитальную механику системы Верна-3, — сказал он.

— Зачем?

— Не знаю. Оно само.

Корнелиус кивнул.

— У меня то же самое. Я посчитал гравитационный градиент ущелья. Три часа назад. Не ставил задачу. Просто получил ответ.

— И что мы будем с этим делать?

Корнелиус отставил чашку.

— То же, что всегда. Работать с тем, что есть. — Он посмотрел на статью, которую никто не читал, на кривую, которая кусала свой хвост. — Мы не просили этого. Мы не искали. Оно случилось. И теперь это часть нас. Мы не можем это выключить. Значит, надо научиться с этим жить.

— А если оно нас убьёт?

— Не убьёт. — Корнелиус покачал головой. — Мы уже десять дней с этим живём. И не умерли. Значит, организм справляется. Значит, это не оружие. Это инструмент. Просто мы пока не знаем, как им пользоваться.

Себастьян помолчал. Потом сказал:

— Мы думаем быстрее. Намного. Я могу держать в голове три задачи одновременно и не сбиваться. Я могу видеть паттерны там, где раньше видел хаос. Я могу...

Он замолчал.

— Что? — спросил Корнелиус.

— Я могу чувствовать тебя, — сказал Себастьян тихо. — Не мысли. Не слова. Просто... присутствие. Как будто мы на одной частоте. Как будто наши мозги синхронизировались.

Корнелиус медленно кивнул.

— Я тоже это чувствую.

Они посмотрели друг на друга. И в этом взгляде было всё: и страх, и удивление, и что-то ещё — тихое, глубокое, как вода в расщелине. То, что не требовало слов.

Двадцатый день

Они перестали считать это проблемой.

Они научились. Не сразу — через головные боли, через ночи без сна, через дни, когда мозг работал так быстро, что они не успевали за ним. Но научились. И поняли главное: это не требовало усилий. Это не было работой. Это было фоном. Как дыхание. Как сердцебиение.

Корнелиус сидел за терминалом и смотрел на статью, которую вернули без рецензии. Ту самую, которую они писали годами. Он читал её — и видел ошибки, которых не замечал раньше. Нет, не ошибки. Упрощения. Места, где можно было пойти дальше. Места, где формула сходилась, но не до конца.

Он взял ручку и начал писать. Не на терминале — на бумаге. Потому что бумага не имела метрики. Её нельзя было отследить. И в этой тишине, под скрип пера, он понял, что теперь может дойти до конца.

— Себастьян, — сказал он. — Мы можем это сделать.

Себастьян подошёл. Посмотрел на лист. Потом на него.

— Ты уверен?

— Я вижу ответ. — Корнелиус поднял глаза. — Он всплывает сам. Я не считаю. Я просто... знаю.

Себастьян долго молчал. Потом сказал:

— Тогда, может, это не проклятие.

— Может, и нет.

— Может, это то, что нам нужно было.

Корнелиус усмехнулся.

— Мы ничего не просили. Мы просто оказались в нужном месте в нужное время. И вдохнули то, что не должны были.

Он опустил ручку.

— Но теперь это наше. И мы будем с этим жить.

Год спустя

Они вошли в карман. В песчинку. В мир, который был здесь всегда.

И когда они стояли на каменном уступе ущелья, глядя на фиолетовое небо и облака, Корнелиус сказал:

— Ты понимаешь, что мы бы никогда этого не сделали без того кристалла?

Себастьян кивнул.

— Понимаю. Мы бы всё равно нашли формулу. Но мы бы не смогли её удержать. Не в обычной голове.

— Да. — Корнелиус посмотрел на песчинку в своей руке. — Обычный человек не может держать в голове вселенную. Он сойдёт с ума.

— А мы не сошли.

— А мы не сошли. — Корнелиус опустил песчинку. — Потому что мы уже были другими. До того, как вошли.

Они стояли на уступе, и ветер нёс пыль с чужих дорог. Где-то там, за горизонтом, жил город. Где-то там, в большом

мире, их искали ведомство, корпорации и один учёный по имени Лейд. А здесь, в кармане, было тихо. И в этой тишине два изменённых мозга — случайно, навсегда — слушали, как в их головах считаются вселенные.

— Мы не должны были это получить, — сказал Себастьян.

— Знаю.

— Но мы получили.

— Получили.

— И теперь мы здесь.

— Здесь.

Корнелиус повернулся к нему.

— Спина к спине?

Себастьян усмехнулся.

— Спина к спине.

ГЛАВА 2. АТЛАС

Здание в центре города было куплено за один день.

Не через аукцион, не через торги, не через переговоры с собственником, который три года держал его пустым, ожидая, когда цена вырастет. Просто в понедельник утром на счёте собственника появилась сумма, от которой у него перехватило дыхание, а в четверг днём Корнелиус и Себастьян уже стояли в пустом холле на первом этаже, глядя на панорамные окна, выходящие на главный проспект.

Здание было идеальным. Двадцать два этажа, стекло и бетон, подземный паркинг на триста машин, собственная под-

станция и — главное — три подземных уровня, которые в документах значились как «технические помещения», но на деле представляли собой готовый дата-центр. Прежний владелец, обанкротившийся телеком-оператор, оставил после себя систему охлаждения, силовые кабели и почти готовую инфраструктуру. Не хватало только серверов.

Серверы привезли через неделю.

Не один грузовик — двадцать. Корнелиус не стал покупать готовые стойки у известных вендоров. Он заказал комплектующие — процессоры, память, накопители, материнские платы — и собрал всё сам, вручную, вместе с Себастьяном, ночами, под тихий гул системы охлаждения. Они проектировали архитектуру кластера прямо в процессе сборки, пересчитывая тепловые потоки, пропускную способность и топологию сети быстрее, чем успевали заказывать следующую партию комплектующих. К концу второго месяца подземный дата-центр был готов. Восемь тысяч серверов, соединённых в единый кластер, способный обрабатывать запросы, которые не снились ни одному облачному провайдеру в этом мире. Охлаждение работало бесшумно. Энергопотребление было оптимизировано до предела — Корнелиус лично пересчитал каждый контур, и система потребляла на сорок процентов меньше, чем должна была по документам.

На первом этаже, в бывшем холле, открылся офис. Стеклянные перегородки, белые столы, мягкий свет. Никаких логотипов на стенах, никаких кричащих вывесок. Только

скромная табличка у входа: «Атлас. Разработка цифровых сред».

Компания

Официально «Атлас» занималась тремя вещами.

Первая — облачные вычисления. Корпоративные клиенты, которым нужны были мощности для обсчёта моделей, рендеринга или хранения данных, получали доступ к кластеру. Цены были ниже рыночных, скорость — выше, надёжность — абсолютной. Через полгода у «Атласа» уже был лист ожидания.

Вторая — разработка метавселенных. Не тех, о которых кричали корпорации в новостях, не игрушечных виртуальных миров для рекламы. «Атлас» строил среды. Полноценные цифровые пространства с собственной физикой, экономикой и социальными механизмами, которые можно было использовать для симуляций, обучения или — для тех, кто платил достаточно — для ухода из реальности. Клиенты не знали, что архитектура этих сред была скопирована с карманного мира, в котором жили сами основатели. Они просто приходили и говорили: «Мы хотим, чтобы у нас было так же».

Третья — и это была самая тихая часть — биржевые операции. «Атлас» не торговал на бирже как спекулянт. «Атлас» скупал. Медленно, методично, через десятки подставных фондов и офшорных структур, которые Корнелиус реги-

стрировал в юрисдикциях, где не задавали вопросов. Акции технологических компаний, которые недооценили. Патенты, которые лежали мёртвым грузом. Земля под дата-центры в местах, где ещё не проложили оптоволокно.

Корнелиус не спал ночами, пересчитывая вероятности движения рынка. Себастьян вёл переговоры с клиентами, а по вечерам анализировал финансовые отчёты конкурентов, которые ещё не были опубликованы. Они не читали мысли — они видели паттерны. В хаосе цифр, в случайных колебаниях курсов, в новостных заголовках, которые ничего не значили для обычного трейдера, они видели структуру. И использовали её.

К концу первого года «Атлас» стоил больше, чем любой стартап в этом городе. К концу второго — больше, чем половина технологических компаний в стране. К концу третьего — о нём начали писать. Сначала в деловых изданиях, осторожно, с уважением. Потом в аналитических отчётах, с недоумением. Потом в закрытых докладах, которые ложились на столы людей, знавших о существовании Корнелиуса и Себастьяна только по фамилиям в старых делах.

Корпорация росла. Люди приходили на работу, уходили, строили карьеру, обсуждали проекты, спорили о технологиях. Никто из них не знал, что два основателя компании никогда не держали в голове ни одной формулы — потому что формулы держались сами. Никто не знал, что биржевые операции «Атласа» были не результатом аналитики, а результа-

том их личного, почти сверхъестественного чутья. Никто не знал, что метавселенные, которые они строили для клиентов, были копиями мира

Они разбогатели невероятно — и почти незаметно.

«Атлас» перестал быть компанией. Он стал инфраструктурой. Облачные мощности «Атласа» держали на себе прогнозные модели трёх министерств, рендер четырёх киностудий и симуляции, о которых клиенты не рассказывали даже своим юристам. Лист ожидания растянулся на восемнадцать месяцев, а цены всё равно были ниже рынка — потому что Корнелиус пересчитал энергопотребление, топологию и охлаждение так, что каждый сервер работал на пределе, но не перегревался. Конкуренты не понимали, как это возможно. Они списывали всё на дешёвое электричество и удачную налоговую юрисдикцию.

Метавселенные «Атласа» продавались не как игры. Их покупали как убежища. Корпорации заказывали закрытые цифровые среды для переговоров, обучения и «стресс-тестов» сотрудников. Государственные структуры — симуляции городов, транспортных узлов, эпидемий. Частные клиенты платили за миры, в которых можно было жить месяцами, не выходя в реальность. Никто из них не знал, что архитектура этих миров была снята с карманной вселенной, в которой жили сами основатели. Они просто говорили: «Сделайте так же». И «Атлас» делал — быстрее, точнее и дешевле, чем кто-либо мог объяснить.

Но настоящие деньги пришли не от облаков и не от метавселенных. Настоящие деньги пришли из тишины.

Корнелиус научился видеть ценность там, где её ещё не было. Он скупал не компании, а возможности: заброшенные патенты, которые через два месяца становились основой для прорывного стандарта; участки земли, которые через год оказывались единственным местом для прокладки кабеля; доли в стартапах, которые все считали мёртвыми, — а они вдруг выпускали продукт, опережавший время. Себастьян приходил на переговоры и уходил с подписанным контрактом, о котором вторая сторона потом не могла вспомнить, почему согласилась на такие условия. Он не давил. Он просто точно знал, что нужно сказать, в какой момент и с какой интонацией. Люди чувствовали, что их понимают, — и подписывали.

Деньги текли рекой. Они не покупали яхт и не строили дворцов. Они вкладывали всё в одно: в расширение вычислительных мощностей, в скупку земель под новые дата-центры, в разработку технологий, которые никто, кроме них, не мог довести до конца. Каждое приобретение было шагом к цели, о которой они не говорили вслух. Богатство было не наградой и не целью. Оно было топливом.

Они сидели в том же кабинете на двадцать втором этаже, пили тот же кофе и смотрели на голограммы, которые не показывали никому. За окном город жил своей жизнью, строил планы, брал кредиты, боялся кризисов. А здесь, в тиши-

не, два изменённых мозга слушали фон — ровный, бесконечный, как дыхание, — и считали. Считали рынки. Считали риски. Считали вселенные.

И богатство было лишь побочным эффектом.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИЯ

Они не забывали про тренировки.

В здании «Атласа» был уровень, который не значился ни в одном плане эвакуации. Ниже паркинга, ниже дата-центра, за дверью без таблички — длинный коридор с бетонными стенами, а за ним зал. Не фитнес-клуб. Не место, где пахнет лавандой и играет музыка. Здесь пахло резиной, мелом, оружейным маслом и потом. Здесь было тихо. Так тихо, что слышно было, как шуршит ткань при шаге и как дышит человек, который готовится к броску.

Главный зал был большим — метров двадцать на тридцать, с высоким потолком и мягким светом, который не бил в глаза. Пол — сплошной мат, тёмно-серый, без разметки. Вдоль стен — стойки. На одной — деревянные мечи, танто, тренировочные ножи с затупленными клинками. На другой — стальные, но не заточенные: катаны, вакидзаси, короткие клинки для ближнего боя. В углу — макивара, тяжёлый мешок, стойка с канатами. Никаких зеркал. Никаких плакатов с мотивацией. Только бетон, мат и стены, которые помнили больше, чем следовало.

Второй зал был уже. Там стояли тренажёры — простые, без электроники, без подсветки. Штанги, гири, переклади-

на, брусья. Всё, что нужно, чтобы тело оставалось телом, а не приложением к мозгу. Третий уровень был тиром. Длинным, с хорошей вентиляцией, с мишенями, которые меняли дистанцию по щелчку. Пистолеты, винтовки, дробовики, пистолеты-пулемёты — всё, что можно было держать в руках. Никаких коллекционных экземпляров. Только рабочие инструменты.

Они тренировались между собой. Каждый день. Без расписания, без зрителей. Выходили на мат, кивали друг другу — и начиналось.

С мечами — коротко, жёстко, без хореографии. Никаких красивых вертушек, никаких прыжков с разворотом. Только шаг, дистанция, удар. Прямой, короткий, в открытое место. Если ты замахнулся слишком широко — тебе уже сломали линию. Если ты подпрыгнул — ты уже проиграл. Они отточили это до того, что бой выглядел скучно для того, кто ждал зрелища. Но для того, кто понимал, — это была чистая геометрия. Один шаг в сторону, контроль запястья, короткий удар. Всё.

С ножами — ещё короче. Тренировочные клинки, но движения — настоящие. Они не играли в «поножовщину». Они учились не получать порезы. Контроль дистанции, контроль руки, контроль дыхания. Себастьян мог стоять неподвижно, смотреть в глаза Корнелиусу и ждать. А потом сделать одно движение — и клинок уже у горла. Корнелиус отвечал тем же. Они не хвастались. Они просто делали.

Рукопашный бой был их языком. Прямой удар рукой — без замаха, из центра, короткий, как выдох. В горло, в нос, в грудь. Прямой удар ногой — не в голову, не с разворота. В колено. В бедро. В корпус. Туда, где он ломает равновесие и забирает движение. Они не учились бить красиво. Они учились бить так, чтобы после этого не нужно было бить ещё раз.

Айкидо они отточили до состояния, когда оно перестало быть искусством и стало рефлексом. Иккё, никкё, санкё, коте-гаэси, сихо-наге — все формы, все входы, все повороты. Они не делали их на публику. Они делали их в момент, когда рука противника уже тянулась к ним. Тренер по айкидо, которого они приглашали раз в месяц, говорил им:

— У вас нет стиля. У вас есть функция.

Они не спорили. Они платили ему и продолжали.

С тренерами было просто. Приходили мастера спорта по самбо, инструкторы по ножевому бою, стрелки, которые учили их работать с короткостволом и длинностволом. Никто из них не знал, кто платит. Никто не задавал вопросов. Они видели двух мужчин, которые двигались слишком точно, слишком спокойно, слишком быстро для обычных людей. Но тренеры были профессионалами. Они просто показывали приём. А потом смотрели, как этот приём повторяют — и повторяют лучше, чем они сами.

Стрельба была отдельной дисциплиной. Не спорт. Не развлечение. Они стреляли из всего, что было в тире. С места, в движении, с двух рук, с одной, из-за укрытия. Корнелиус

любил длинные дистанции — там, где нужно было считать ветер и понимать, как ведёт себя пуля. Себастьян — короткие. Там, где всё решает первый выстрел. Они не соревновались. Они проверяли друг друга. И оба знали: если дело дойдёт до оружия, они не будут думать. Они будут делать.

В зале не было музыки. Не было криков. Не было зрителей. Только два человека, которые знали друг друга лучше, чем кто-либо в этом здании, — и которые каждый день проверяли, не потеряли ли они форму. Потому что мозг, который считает вселенные, всё равно живёт в теле. А тело нужно было держать в узде.

ГЛАВА 4. ПЕРЕГОВОРЫ

Их разделили.

Приглашения пришли почти одновременно, но в разные страны. Корнелиусу — на север, в промышленную зону, где среди ржавых кранов и бетонных заборов стояло здание бывшего завода. Себастьяну — на юг, в город, который давно перестал быть городом и стал складом для того, что не должно было существовать. Оба приглашения были сформулированы одинаково: «для обсуждения вопросов стратегического партнёрства». Оба знали, что это ложь.

Они не сказали друг другу ни слова. Просто посмотрели — и поняли.

Корнелиус вошёл в цех первым. Внутри пахло пылью, машинным маслом и чем-то ещё — кислым, металлическим, как будто здесь недавно пролили кровь и плохо вытерли.

Свет падал из битых окон, ложился полосами на бетонный пол. Вдоль стен стояли двадцать человек. Без знаков различия. С пистолетами. С ножами. С дубинками. Они не прятались. Они ждали.

Корнелиус остановился в дверях. Посмотрел на них. Потом на человека в штатском, который сидел за столом в центре зала.

— Это всё? — спросил он.

Человек за столом улыбнулся.

— Достаточно.

Корнелиус кивнул. И начал.

Первых двух он снял с дистанции, не меняя выражения лица. Выстрел в грудь, выстрел в голову. Звук был сухим, коротким, как хлопок. Третий успел поднять пистолет — Корнелиус уже был рядом, контроль запястья, рывок, и оружие перешло в его руку. Он выстрелил в упор, не глядя. Четвёртый получил локтем в горло — хруст был влажным, глухим, и человек осел, хватая ртом воздух, которого больше не было.

Пятый попытался ударить ножом. Корнелиус шагнул в сторону, поймал руку, повернул. Кость в предплечье хрустнула, как сухая ветка. Нож упал. Корнелиус добил его коротким ударом в висок.

Шестой и седьмой открыли огонь одновременно. Корнелиус ушёл в сторону, перекатился, выстрелил дважды. Один упал. Второй закричал — пуля попала в бедро. Корнелиус

подошёл, забрал его пистолет и выстрелил в голову. Крик оборвался.

Восьмой, девятый, десятый — они шли на него толпой, рассчитывая задавить массой. Корнелиус не стал ждать. Он шагнул вперёд, врезался в первого, использовал его тело как щит, выстрелил через плечо. Девятый получил пулю в шею. Десятый — удар ножом в глаз. Корнелиус забрал нож, метнул его в одиннадцатого. Лезвие вошло в горло.

Двенадцатый попытался убежать. Корнелиус догнал его у стены, схватил за шиворот, развернул и впечатал лицом в бетон. Хрустнула переносица. Кровь брызнула на стену. Корнелиус отпустил его, и тело сползло на пол.

Тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый — они были умнее. Они держались вместе, прикрывали друг друга. Корнелиус убил их по одному. Первого — выстрелом в спину, когда тот перезаряжался. Второго — ножом в бок, когда он обернулся. Третьего — голыми руками: захват, рывок, и шея хрустнула.

Шестнадцатый и семнадцатый попытались зайти с флангов. Корнелиус использовал их же оружие. Он выбил пистолет у одного, поймал в воздухе, выстрелил в другого. Потом развернулся и добил первого ударом приклада в лицо.

Восемнадцатый забился в угол, трясясь. Корнелиус подошёл, забрал у него пистолет и выстрелил в голову. Не потому что было нужно. Потому что тот видел слишком много.

Девятнадцатый и двадцатый — последние. Они стояли ря-

дом, смотрели на него, и в их глазах был страх. Корнелиус не стал тянуть. Он выстрелил дважды. Оба упали.

В зале стало тихо. Только капала кровь. Пахло порохом, железом и тем самым кислым запахом, который он почувствовал на входе. Теперь он знал, откуда он взялся.

Человек за столом сидел неподвижно. Его лицо было белым. Руки лежали на папке. Он не пытался бежать. Он просто смотрел.

Человек за столом сидел неподвижно. Его лицо было белым. Руки лежали на папке. Он не пытался бежать. Он просто смотрел.

Корнелиус подошёл, сел напротив. Положил пистолет на стол.

— Теперь ты, — сказал он. — Кто заказал?

Человек молчал.

Корнелиус взял его руку, положил на стол ладонью вверх. Взял указательный палец и сломал. Хруст был чистым, звонким, как щелчок. Человек закричал.

— Кто заказал? — повторил Корнелиус.

Человек не ответил. Корнелиус сломал средний палец. Потом безымянный. Потом мизинец. Потом большой. Пять хрустов подряд, один за другим, как отсчёт.

Человек кричал. Потом заплакал. Потом начал умолять.

— Пожалуйста, — говорил он, захлёбываясь. — Пожалуйста, не убивай. Я всё скажу. Всё. Только не убивай.

Корнелиус посмотрел на него. Спокойно. Без злости. Без

жалости.

— Ты видел то, что не должен был видеть, — сказал он.

Человек поднял на него глаза. В них был ужас.

— Кто ты такой? — прошептал он. — Как так можно? Ты же человек. Ты же...

Корнелиус поднял пистолет. Прицелился в правый глаз.

— Не надо, — сказал человек. — Пожалуйста. У меня дети. У меня...

Корнелиус выстрелил. В левый глаз. Человек дёрнулся и затих. Кровь потекла по столу, смешиваясь с бумагами из папки.

Корнелиус встал. Забрал папку, телефон. Посмотрел на двадцать трупов, лежащих вокруг. Потом вышел, не оглядываясь.

Себастьян вошёл в здание на юге. Оно было почти нежилым — три этажа, пустые комнаты, запах пыли и старой проводки. Внутри его ждали двадцать четыре человека. Они стояли вдоль стен, держали оружие, смотрели на него. Себастьян улыбнулся.

— О, — сказал он. — Отлично. Я думал, будет скучно.

Один из них вышел вперёд. Японец. Немолодой, с короткой седой бородой, в чёрной куртке. В руках — катана. Не тренировочная. Настоящая. Он держал её так, как держат люди, которые знают, что делают.

— Ты Себастьян, — сказал японец. Голос ровный. — Мне сказали, ты опасен.

— Мне тоже так говорили, — ответил Себастьян.

Японец шагнул вперёд, поднял меч. Себастьян посмотрел на лезвие. Потом на него.

— Красивый, — сказал он. — Можно?

Японец атаковал. Быстро, точно, с прямым ударом сверху. Себастьян ушёл в сторону, поймал запястье, повернул. Кость хрустнула. Японец вскрикнул. Себастьян забрал катану, отпустил руку и ударил японца рукоятью в висок. Тот упал.

Себастьян посмотрел на меч. Провёл пальцем по лезвию. Улыбнулся.

— Теперь мой, — сказал он.

И начал.

Первый получил удар в шею. Лезвие вошло глубоко, почти до позвоночника. Кровь брызнула на стену. Себастьян засмеялся.

— Раз! — сказал он.

Второй и третий бросились одновременно. Себастьян рубанул одного по плечу — рука повисла, как тряпка. Второго достал обратным движением, поперёк груди. Оба упали. Себастьян перешагнул через них и пошёл дальше.

Четвёртый выстрелил. Себастьян уклонился, метнул катану, как копьё. Лезвие вошло в грудь. Человек упал. Себастьян подошёл, вытащил меч, посмотрел на кровь на клинке.

— Красиво, — сказал он.

Пятый и шестой попытались зайти с флангов. Себастьян

выстрелил из пистолета, который забрал у японца. Один упал. Второй получил удар мечом по ногам — Себастьян рубанул по коленям, и тот закричал, падая. Себастьян добил его ударом в голову.

Седьмой, восьмой, девятый — они шли толпой. Себастьян не стал ждать. Он бросился навстречу, рубя направо и налево. Кровь летела на стены. Кто-то пытался бежать — Себастьян догнал его, схватил за волосы и впечатал лицом в бетон. Хрустнула челюсть. Себастьян засмеялся.

— Вы серьёзно? — спросил он. — Двадцать четыре человека? И это всё?

Десятый попытался выстрелить в упор. Себастьян ушёл в сторону, выбил пистолет, выстрелил ему в голову. Одиннадцатый получил мечом по руке — кисть упала на пол. Себастьян посмотрел на неё и засмеялся.

— Ой, — сказал он. — Извини.

Двенадцатый и тринадцатый попытались зажать его в углу. Себастьян использовал одного как щит, выстрелил через плечо. Второй получил пулю в шею. Себастьян отпустил первого, развернулся и добил его ударом меча.

Четырнадцатый забился в угол. Себастьян подошёл, присел на корточки, посмотрел ему в глаза.

— Боишься? — спросил он.

Тот кивнул.

— Правильно, — сказал Себастьян и выстрелил ему в голову.

Пятнадцатый, шестнадцатый, семнадцатый — они держались вместе. Себастьян убил их по одному. Первого — выстрелом в спину. Второго — мечом в бок. Третьего — голыми руками: захват, рывок, и шея хрустнула. Он засмеялся, когда услышал этот звук.

Восемнадцатый попытался убежать. Себастьян метнул катану. Лезвие вошло в спину. Человек упал. Себастьян подошёл, вытащил меч, посмотрел на кровь.

— Девятнадцать, — сказал он.

Девятнадцатый и двадцатый попытались зайти с флангов. Себастьян использовал их же оружие. Выбил пистолет у одного, поймал в воздухе, выстрелил в другого. Потом развернулся, ударил первого в глаз, а затем перерезал ему горло. Кровь брызнула на стены. Себастьян засмеялся.

Двадцать первый и двадцать второй — последние из тех, кто ещё стоял. Они смотрели на него, и в их глазах был ужас. Себастьян улыбнулся.

— Ну что, — сказал он. — Кто хочет быть первым?

Они не ответили. Он выстрелил дважды. Оба упали.

Двадцать третий лежал на полу, раненный, но живой. Себастьян подошёл, наступил на его руку.

— Кто заказал? — спросил он.

Тот закричал. Себастьян надавил сильнее. Кость хрустнула. Человек заговорил. Быстро, сбивчиво, называя имена. Себастьян слушал. Потом кивнул и выстрелил ему в голову.

И тогда японец очнулся.

Он сидел у стены, держась за сломанное запястье. Смотрел на Себастьяна. В глазах — не страх. Что-то другое. Уважение.

Себастьян подошёл, присел рядом.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Ты — тот, кто забрал мой меч, — сказал японец.

Себастьян засмеялся.

— Правильно, — сказал он. — Но ты мне нравишься. Давай так. Ты и я. На мечах. Один на один. Если победишь — уйдёшь живым. Если проиграешь — умрёшь. Как тебе?

Японец помолчал. Потом кивнул.

— Согласен.

Себастьян встал, взял катану. Японец поднялся, держась за стену. Ему было больно. Но он встал. Себастьян бросил ему второй меч — короткий, вакидзаси, который лежал на полу. Японец поймал его здоровой рукой.

Они встали друг напротив друга. В зале было тихо. Только пыль кружилась в воздухе.

— Начали, — сказал Себастьян.

Они бросились друг на друга одновременно. Японец ударил сверху — быстро, точно. Себастьян ушёл в сторону, но лезвие чиркнуло по плечу. Кровь выступила на рубашке. Себастьян засмеялся.

— Хорошо! — сказал он. — Ещё!

Они сошлись снова. Японец был хорош. Очень хорош. Но Себастьян был быстрее. Он видел каждое движение до то-

го, как оно начиналось. Он ждал. И когда японец сделал выпад, Себастьян шагнул вперёд, поймал его руку и вспорол ему живот.

Лезвие вошло глубоко. Японец вскрикнул. Кровь хлынула на пол. Он упал на колени, держась за живот. Себастьян стоял над ним, смотрел, как он корчится.

— Помоги, — прошептал японец. — Помоги... мне...

Себастьян присел на корточки. Посмотрел ему в глаза.

— Ты просишь помощи? — спросил он. — После того, как сам согласился?

Японец кивнул. Слёзы текли по его лицу.

Себастьян засмеялся. Потом встал, размахнулся и снёс ему голову. Кровь брызнула на стены. Голова покатилась по полу. Себастьян посмотрел на неё и улыбнулся.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь ты свободен.

Он наклонился, подобрал с пола второй меч — вакидзаси. Взял его в левую руку. Теперь у него было два клинка.

Он встал, вытер меч о штаны, посмотрел на двадцать четыре трупа. Улыбнулся.

— Было весело, — сказал он.

Он вышел из здания, вытирая руки о штаны. На улице было жарко. Пыль стояла в воздухе. Себастьян достал второй телефон и набрал номер.

— Я на месте, — сказал он. — Было весело.

ГЛАВА 5. ЗАПИСЬ

Комната наблюдения находилась на минус четвёртом

уровне, ниже того, что значилось в документах. Ни окон, ни вентиляции, которую можно отследить, ни одного человека в штатном расписании. Только экраны — двадцать четыре, каждый со своей камерой. Где-то там, наверху, два часа назад закончилась жизнь сорока четырёх человек.

Операторы сидели молча. Их было трое, и все трое считались лучшими в своём деле. Не аналитики. Не следователи. Люди, которые умели смотреть на смерть и не отводить глаз. Они видели зачистки, допросы, казни, которые не должны были попадать на плёнку. Они были профессионалами. И сейчас они не могли пошевелиться.

На экране номер семь Себастьян улыбался. Он стоял среди двадцати четырёх тел и улыбался так, как улыбаются люди, сделавшие что-то приятное. Он вытер меч о штаны, проверил лезвие и убрал за пояс. Потом поднял голову — прямо в объектив. И подмигнул.

Оператор номер один вздрогнул. Рука дёрнулась к клавиатуре, но не нажала ни одной кнопки.

— Он знал, что мы смотрим, — прошептал оператор номер два.

— Ему было плевать, — сказал оператор номер три.

На экране номер двенадцать — Корнелиус. Другой ритм. Никакой улыбки. Только методичность. Каждое движение выверено, как формула. Он не бил дважды в одно место, не тратил патроны зря, не оставлял раненых. Он работал, как хирург, который знает, где заканчивается жизнь и начинает-

ся смерть.

— Он даже не вспотел, — сказал оператор номер два.

— И не сбился с дыхания, — добавил оператор номер три.

Дверь открылась. Вошли двое. Первый — начальник комнаты наблюдения, немолодой, в штатском, с усталыми глазами. Второй — его начальник, ещё старше, в костюме, который стоил больше, чем машина оператора номер один. Они остановились за спинами операторов.

— Покажите, — сказал второй.

Оператор номер один переключил запись. На большом экране пошли кадры: Корнелиус в цеху, Себастьян в здании на юге. В ускоренной перемотке, но даже так было видно, насколько они точны. Насколько быстры. Насколько эффективны.

Второй начальник смотрел молча. Его лицо не менялось. Но когда на экране Себастьян засмеялся — громко, от души, добивая последнего противника, — второй начальник моргнул. Один раз. Медленно.

— Это гении убийства, — сказал он тихо.

Первый начальник посмотрел на него.

— Что?

— Гении. — Второй не отрывал глаз от экрана. — Посмотри на него. Он не просто убивает. Он играет. Он наслаждается. Он знает, что мы смотрим, и ему всё равно. Он смеётся. Смеётся, чёрт возьми.

Он показал на экран, где Себастьян стоял среди тел и улы-

бался.

— Сколько их было?

— Двадцать четыре, — сказал первый начальник.

— А у Корнелиуса?

— Двадцать.

Второй начальник медленно кивнул.

— Сорок четыре человека. Сорок четыре подготовленных, вооружённых человека. И двое. Двое, которые даже не запыхались.

Он помолчал. Потом сказал:

— Включите ещё раз. В реальном времени. Я хочу видеть это без ускорения.

Оператор номер один нажал несколько клавиш. На большом экране пошла запись — нормальная скорость, нормальный звук. Корнелиус в цеху. Он только что вошёл. Двадцать человек стоят вдоль стен. Человек за столом улыбается.

— Смотрите, — сказал второй начальник. — Смотрите, как он двигается.

Корнелиус снял первых двух. Выстрел в грудь, выстрел в голову. Третий поднял пистолет — Корнелиус уже рядом, контроль запястья, рывок, оружие перешло в его руку. Выстрел в упор.

— Он не тратит патроны, — сказал второй начальник. — Он использует их же оружие. Он экономит.

Четвёртый получил локтем в горло. Хруст был слышен даже через колонки — влажный, глухой. Оператор номер два

вздрогнул.

— Он знает, куда бить, — сказал первый начальник. — Не в челюсть, не в грудь. В горло. Один удар — и человек больше не может дышать. Он не тратит время на добивание.

На экране Корнелиус шагнул в сторону, поймал руку с ножом, повернул. Кость хрустнула, как сухая ветка. Нож упал. Корнелиус добил его коротким ударом в висок.

— Красиво, — сказал второй начальник. — Он не просто убивает. Он убирает. Как будто вычёркивает из списка. Один, два, три. Без эмоций. Без пауз.

Он переключил на другой экран. Себастьян. Здание на юге. Двадцать четыре человека. Японец с катаной. Себастьян улыбается.

— А этот… — второй начальник замолчал. Смотрел, как Себастьян забрал меч, как ударил японца рукоятью в висок, как засмеялся. — Этот ещё хуже.

На экране Себастьян рубил направо и налево. Кровь летела на стены. Кто-то пытался бежать — Себастьян догнал его, схватил за волосы и впечатал лицом в бетон. Хрустнула челюсть. Себастьян засмеялся.

— Вы слышите? — спросил второй начальник. — Он смеётся. Каждый раз, когда он кого-то убивает, он смеётся. Как будто это игра. Как будто это весело.

Оператор номер три сглотнул.

— Он смеялся, когда снёс японцу голову, — сказал он тихо. — Он сказал: «Теперь ты свободен». И засмеялся.

Второй начальник покачал головой.

— Он не просто убивает. Он издевается. Он наслаждается. Он смотрит в камеру и подмигивает. Он знает, что мы здесь. И ему плевать.

Он показал на экран, где Себастьян стоял среди двадцати четырёх трупов и улыбался.

— Посмотрите на него. Он не запыхался. Он не вспотел. Он даже не сбился с дыхания. Он просто… стоит и улыбается. Как будто только что выиграл в шахматы.

Первый начальник кивнул.

— А Корнелиус? Он не смеётся. Он вообще ничего не выражает. Он просто делает. И это ещё страшнее. Потому что когда человек смеётся, ты понимаешь, что он чувствует. А когда он ничего не чувствует… ты не знаешь, что от него ждать.

Второй начальник выпрямился.

— Они не коммерсы, — сказал он. — Они никогда ими не были. Мы просто не видели. Мы смотрели на их отчёты, на их компании, на их метавселенные. Мы думали, что они — бизнесмены. А они — вот это. Они — убийцы. Лучшие убийцы, которых я видел.

Он помолчал. Потом сказал:

— Но как? Они же просто коммерсы. У них компания. Облака. Метавселенные. Они не…

Первый начальник покачал головой.

— Они не коммерсы. Они никогда ими не были. Мы про-

сто не видели.

Он показал на экран, где Корнелиус ломал пальцы человеку за столом.

— Посмотри на него. Он не просто убивает. Он допрашивает. Он ломает пальцы один за другим, как будто это не кости, а ветки. Он не торопится. Он знает, что человек заговорит. Он знает, что у него есть время.

Второй начальник смотрел на экран. Потом на другой экран, где Себастьян смеялся, добивая раненых.

— Почему камеры не распознали их лиц? — спросил он.

— Мы прогнали через базу. Ни одного совпадения. Ни одного.

Первый начальник пожал плечами.

— Потому что они не хотят, чтобы их узнали. И они могут себе это позволить.

Второй начальник выпрямился. Посмотрел на операторов. На их лица. На их руки, которые всё ещё дрожали.

— Вы, — сказал он. — Вы лучшие. Я знаю, кто вы. Я знаю, что вы видели. Вы видели больше смертей, чем любой судмедэксперт. Вы видели, как люди умирают от страха, от боли, от ярости. Вы видели всё.

Он показал на экран.

— И вы сидите здесь и трясётесь. Почему?

Оператор номер один поднял на него глаза.

— Потому что они не люди, — сказал он. — Они… что-то другое. Они двигаются слишком быстро. Они думают слиш-

ком быстро. Они не боятся. Они не устают. Они не колеблются. Они просто… делают. И когда они делают, они улыбаются.

Оператор номер два кивнул.

— Себастьян смеялся, — сказал он. — Не злобно. Не торжествующе. Просто… весело. Как будто ему рассказали хорошую шутку. Как будто он был на вечеринке, а не на бойне.

Оператор номер три добавил:

— А Корнелиус не смеялся. Он вообще ничего не выражал. Он просто делал. И это было ещё страшнее. Потому что когда человек смеётся, ты понимаешь, что он чувствует. А когда он ничего не чувствует… ты не знаешь, что от него ждать.

Второй начальник слушал. Потом сказал:

— Сохраните записи. Всё. Каждый кадр. Потом сотрите. Если это утечёт, мы все будем выглядеть как идиоты, которые послали сорок четыре человека против двух и проиграли.

Он повернулся к двери. Потом остановился.

— И ещё. Найдите мне всё, что есть на этих двоих. Всё, что мы пропустили. Потому что если они сделали это здесь, они сделают это снова. И в следующий раз они придут не к нам. Они придут к тем, кто отдал приказ.

Дверь закрылась. В комнате снова стало тихо. Операторы смотрели на мониторы. На экране Себастьян всё ещё улыбался — застывший кадр, остановленное мгновение, кото-

рое не должно было существовать.

ГЛАВА 6. ОСТРОВ

Яхта шла медленно. Так, как и должно было идти судно, у которого нет расписания. Белый корпус, тёплое дерево палубы, тенты, натянутые от солнца. Ветер был мягкий, почти ласковый, и море лежало вокруг ровное, как стекло, — только длинные полосы ряби тянулись за кормой.

Корнелиус стоял у борта, держался за леер и смотрел на воду. На нём были шорты и расстёгнутая рубашка. Он давно не надевал ничего такого. Мира сидела рядом, свесив ноги за борт, и ветер трепал её волосы. Она смеялась чему-то, что он сказал, и этот смех был лёгким, как пена у носа яхты.

Себастьян лежал на палубе, подставив лицо солнцу. Рядом с ним Лина — в купальнике, с полотенцем на плечах — листала книгу, которую не читала. Она просто держала её открытой и улыбалась. Себастьян повернулся к ней, что-то сказал, и она засмеялась, откинув голову. Он тоже засмеялся — тихо, довольно, без тени того смеха, который остался в записях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.